

единичные документы. Лишь в одном исключительном случае он провел в архиве полторы недели и за это время просмотрел много десятков документов. Произошло это в первой половине августа 1566 г. В те дни Грозный затребовал к себе духовные грамоты почти всех московских великих князей.²² 7 августа ему принесены были лежавшие в архиве «грамоты докончальные и грамоты духовные и книги великих князей старых». В том же месяце (без указания числа) Иван затребовал к себе ящик с духовными грамотами Ивана Даниловича Калиты, Дмитрия Ивановича Донского, Василия II Васильевича, княгини Е. Старицкой, а также «тетрадь-список з духовные великого князя Василия Васильевича», извлеченную из другого ящика.²³ Одновременно царь проявил исключительный интерес к документации старинных «великих княжеств», а также удельных княжений. Он просмотрел «докончальные грамоты» великих рязанских князей (4 августа), «докончальные» Ивана III с тверскими князьями (7 августа), «грамоту Великого Новгорода посадников ноугороцких и купцов» (август), грамоты жалованные Сигизмунда III и Василия III Смоленску (8 августа), а также «докончальные грамоты» деда и отца с удельными князьями Андреем Углицким и Андреем Старицким (7 августа), «докончальную» отца с Юрием Дмитровским (13 августа), поручные грамоты на удельных князей Бельских, Воротынских, Мстиславских (6 и 7 августа), грамоту «Казимера короля Новосильским князем и Одоевским, как им королю служити и подати давати» (14 августа) и т. д.²⁴ Можно полагать, что названные документы послужили источниками для детализации разделов завещания, посвященных великим и удельным княжествам. Царь Иван благословлял наследника «своим царством Руским» (шапкой Мономаха и Москвой), а также «своими великими княжествами», полученными от отца (Владимирским, Рязанским, Смоленским и т. д.), и крупнейшими уделами («а князи Одоевские, Оболенские, Воротынские... своими вотчинами сыну же моему Ивану к великому государству»)²⁵ Каждому из великих княжеств и важнейшим из уделов посвящены специальные разделы царского завещания.

В текст завещания включено подробное описание «прожиточной» вотчины княгини Ульяны, вдовы Юрия Васильевича Углицкого. Примечательно, что в августе царь брал из архива «книги черные, что дано княгине, во иноцех старице Александре княже Юрьеве Васильевича в наделок вотчины».²⁶

Помимо деловых грамот, Иван брал из архива некоторые документы интимного характера, как-то: дело о разводе отца с первой женой С. Сабуровой (7 августа), письма матери княгини Елены Глинской к отцу, а также собственные письма к царевичам (14 августа).²⁷ Письма к царевичам заключали в себе немало наставлений и советов, часть которых, возможно, вошла в поучение «чадцам», включенное царем в духовное завещание.

²² Завещания отца и деда царь хранил в личной канцелярии и использовал их при составлении собственной духовной, по-видимому, в первую очередь (см.: С. Б. Веселовский. Духовное завещание Ивана Грозного, стр. 320; А. А. Зимин. Реформы Ивана Грозного. М., 1960, стр. 225).

²³ Описи царского архива..., стр. 25, 31, 36.

²⁴ Там же, стр. 19, 23—26, 32, 33.

²⁵ ДДГ, стр. 433—435.

²⁶ ДДГ, стр. 441; Описи царского архива..., стр. 39—40. Во время работы в архиве Иван просматривал «грамоту Шемячичевские княгини и списки Шемячичевы» (7 и 8 августа) и духовную князя Д. Пенкова (7 августа). В царскую духовную были включены специальные разделы о волостях, «что было за князем Василием Шемячичем», и о вотчинах Пенковых (см.: Описи царского архива, стр. 26, 25; ДДГ, стр. 440—441, 443).

²⁷ Описи царского архива..., стр. 23, 36.